

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования
«Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Факультет политических наук

Эссе по дисциплине «Сравнительная политология» на тему:
«Гендер и политические институты: развитие или прикрытие?»

Выполнила:
студентка 1-ого курса магистратуры
Григораш Екатерина Ильинична
Проверил:
доктор политических наук
Голосов Григорий Васильевич

Санкт-Петербург
2021 год

Введение

Тема гендерной репрезентации и достижения равенства стала одной из самых актуальных. Ее изучением занимаются достаточно долго – изначально рассматривали как часть неравенства в целом, а затем, как и отдельное направление со своими особенностями. В основном целью таких работ становится поиск институтов, выявление особенностей культуры и социальных норм, которые могут способствовать развитию равенства в обществе. Наиболее распространенным решением поставленной задачи в политических науках является изучение влияния институтов, таких как избирательная система, квоты, размеры парламентов и правительств, и затем нахождение элементов и механизмов этих систем, которые наибольшим образом способствуют гендерной репрезентации.

Однако, чем больше исследуется данная тема, чем шире становится выборка стран, тем больше возникает исключений из правил, которые казались тем «лекарством», приняв которое, страны бы могли встать на путь построения гендерного баланса в своем обществе. Таким образом, мы наблюдаем, как выработанные методики не оправдывают себя, и порой могут использоваться не по своему замыслу. Например, зная механизмы формирования одного из самых популярных и востребованных индексов по гендерному равенству – GGGI – можно построить необходимый «фасад», который соотносится с лучшими гендерными практиками, но на самом деле может не работать и не способствовать реальному улучшению положения женщин. В таком случае страна может обладать высоким рейтингом, а значит и инвестиционной привлекательностью для западных демократий, и возможным спасением от санкций, в то время как институты не будут работать так, как было изначально задумано.

Важным вопросом по-прежнему остаётся соотношение политических институтов с гендерным равноправием: способствуют ли они его развитию или же превратились в инструмент «прикрытия», который снимает вопрос о гендерном равенстве с повестки? Изучение данного вопроса важно потому, что огромное количество литературы, посвящены тому, как с помощью «глобальных изменений» в политической системе – законодательства, избирательной системы, введение квот – можно достичь определенного результата. Однако действительно ли они способствуют развитию гендерного равенства? Достаточно ли таких нововведений, чтобы сказать, что работа сделана? Нет ли обратного эффекта? Данная работа будет посвящена проверке некоторых институциональных теорий, которые спустя много лет, столкнувшись с новыми демократиями и глобальными вызовами, такими как пандемия COVID-19, продолжают оставаться рабочими инструментами по достижению гендерного равенства. Однако может оказаться и так, что они больше не являются

универсальными и потому нуждаются в доработке: в поиске новых решений, выдвижении новых теорий. Иными словами, поиска более подходящего ответа на вопрос «как можно достичь гендерного равенства»?

Таким образом в данной работе мы постараемся проверить основные институциональные гипотезы, используя рейтинг GGGI (Global Gender Gap Index) от Всемирного банка как показатель уровня гендерного равенства в стране. В данный индекс входит 156 государств, которые и станут выборкой для исследования. В первой части будет представлен обзор литературы, с помощью которой в итоге будут сформированы главные гипотезы. Затем, используя сравнительный и количественный методы анализа, мы сможем проанализировать то, какие комбинации институтов влияют на высокие показатели в рейтинге, и в заключении дать ответ на поставленный нами вопрос.

Теория

В данной работе мы будем опираться на институциональную теорию, потому для начала необходимо определить значения самого термина «институт». Институтами мы будем считать некоторые правила игры, которые определяют поведение людей [Дуглас, 1997]. Рассмотрим основные из них – избирательную систему, избирательный бюллетень, квоты и законодательство. Одними из самых ярких представителей этого направления, внесших значительный вклад в разработку концепций и новых теорий, были П. Норрис, Р. Матланд, Й. Ловендуски, С. Кэрролл, В. Рул, С. Кунович и другие. Именно их работы будут положены в основу формирования гипотез и проверены на собранной эмпирической базе. Рассмотрим основные положения их идей.

Избирательная система

Во-первых, очень важным инструментом является тип избирательной системы: среди всех трех «семейств» избирательных систем – мажоритарная, смешенная и пропорциональная – исследователи выделяют пропорциональную как самую представительную [Norris, 2011]. Данную гипотезу теоретически обосновал Дюверже [Benoit, 2006], а затем эмпирически доказали Р. Матланд [Matland, 1997], В. Рул [Rule, 1987], С. Кунович [Kunovich, 2003] и другие. Пропорциональная система характеризуется тем, что каждая партия предоставляет список кандидатов, избиратели голосуют за партию, и партии получают места пропорционально их общей доле голосов.

Бюллетень

Преимущества пропорциональной системы достаточно обоснованы и изучены. Но, как и любой другой многоуровневый институт он включает в себя составные элементы.

Рассмотрим один из таких механизмов – это тип бюллетеня, который ответственен за форму предоставления списка кандидатов. Существует два основных вида: закрытый и открытый.

В закрытых списках партии могут самостоятельно выбирать расположение кандидатов, т.е. самостоятельно их ранжировать, не опасаясь реакции избирателей. Если партии заинтересованы в продвижении женщин, то они могут расположить их в начале списка, что увеличит их шансы на прохождение в органы власти. Таким образом, закрытый список может значительно увеличить шансы женщин на избрание [Ballington, 1998].

Квоты

Действующим фактором, хотя также одним из самых спорных, является следующий институциональный прием – наличие квот. Квотами считаются «минимальные количественные нормы участия во властных структурах» [Степанова, 1999].

Они могут быть законодательно установленными в форме минимального процента представителей женского пола на выборах или определенного количества зарезервированных мест, которые должны занять женщины в органах власти, а могут быть и добровольными, они же партийные. Последние являются нормами, которые партии сами решают установить – например, закрепленный процент мест за женщинами в партийном списке.

Для представительства женщин наличие квот решает сразу несколько проблем: (1) институционально решает вопрос недопредставленности – в любом случае женщины будут представлены хотя бы минимально, (2) снижает влияние культурных факторов на электоральный процесс за счет разбиения мифа о чисто «мужской сфере деятельности», а также влияет на развитие стратегической политики партий, которая будет заинтересована в продвижении своих кандидатов – вне зависимости от пола [Franceschet, 2019].

Но несмотря на кажущийся положительный институциональный эффект, существует и отрицательная сторона этого метода. А. Клейтон на базе опросов выявила, что наличие квот негативно сказывается на самооценке женщин в ходе избирательной компании – что ее компетентные качества недооцениваются именно потому им и требуется помощь в виде квот, что лишь усиливает скептицизм со стороны избирателей и не ведёт к долгосрочным результатам [Clayton, 2015]. Кроме того, может сложиться впечатление, что женщина получит место только благодаря квотам, а не своим компетенциям, что в итоге может привести не только к спорам в обществе, но и к негодованиям внутри самого органа власти.

Выше было продемонстрировано как в отдельности значим тот или иной элемент политической системы. Однако все всегда находится в взаимодействии, поэтому следует обращать внимания на определенные комбинации институтов, которые смогут в большей мере способствовать достижению поставленных целей. От различных сочетаний будет зависеть результат – иногда может оказаться, что мажоритарная система будет лучшим вариантом совместно с квотами и закрытыми списками в бюллетене (ранжированием мест), нежели просто пропорциональная система. Такая идея хорошо продемонстрирована в работе С. Ларсеруда и Р. Тапхорна [Larserud, 2007]. Он изучает несколько главных элементов избирательной системы – формулу определения победителя, структуру бюллетеня, квоты, - а затем комбинирует их для определения лучшей формулы представительства различных меньшинств и женщин. Именно результаты его работы мы рассмотрим в качестве основных гипотез.

Гипотезы

Последняя работа Ларсеруда и Тапхорна и будет взята за базу, так как не только включает в себя результаты трудов многих других исследователей, но еще и предлагает различные «лучшие» и «худшие» комбинации для развития гендерного равенства. В данной работе мы проверим и первую группу, и вторую группу, предполагая, что представители «лучших» будут обладать большим баллом в рейтинге, по сравнению с представителями «худших».

«Лучшие»:

- (1) Пропорциональная система (PR) + квоты (резервирование мест) и/или наличие правил ранжирования в бюллетене;
- (2) Мажоритарная (FPTP) / Двухуровневая (TRS) / Параллельная (PS) / Со смешанным пропорциональным голосованием (MMP) / С альтернативным голосованием (AV) + квоты (резервирование мест);
- (3) Блокирующее голосование (BV) / Ограниченное голосование (LV) / Единое непередаваемое голосование (SNTV) + квоты (резервирование мест).

«Худшие»:

- (1) Мажоритарная (FPTP) + отсутствие квот и/или наличие правил ранжирования в бюллетене;
- (2) Двухуровневая (TRS) + отсутствие квот и/или наличие и/или отсутствие правил ранжирования в бюллетене;

- (3) Блокирующее голосование (BV) / Ограниченное голосование (LV) / Единое непередаваемое голосование (SNTV) / С альтернативным голосованием (AV) + отсутствие квот и/или наличие правил ранжирования в бюллетене;

Помимо данных гипотез, необходимо проверить еще одну, которую ранее мы оставили без особого внимания – антидискриминационное законодательство. Однако идею продвижения законов против семейно-бытового насилия, против харассмента и дискриминации на рабочем месте поддерживают многие международные организации и сообщества. Этот механизм кажется гораздо более простым в вопросе воплощения, так как принятие закона немного легче, чем изменение целой избирательной системы. Именно поэтому необходимо включить законодательство в наше исследование, чтобы проверить, насколько он способствует выполнению поставленной перед ним задачей.

Также отметим, что некоторых комбинаций не было представлено среди стран рейтинга, потому что они не включались в список гипотез.

Методология

В исследование были включены 156 стран из индекса GGGI. Выбор был обусловлен большим количеством государств, актуальной информацией на 2021 год, а также востребованностью данного рейтинга. Данные о типе избирательной системы и наличии/отсутствии квот были взяты с базы данных International IDEA¹. Информация о законодательстве можно узнать благодаря рейтингу и статистике того же Всемирного банка².

Основным методом стал статистический анализ, на базе которого были сгруппированы страны по комбинациям, а также использовалась линейная регрессия для определения значимости институциональных факторов и их влияния на непосредственный балл в рейтинге. В качестве зависимой переменной был выбран балл в общем рейтинге GGGI, а независимыми переменными стали тип избирательной системы, квоты, тип ранжирования в бюллетене и законодательные акты против семейно-бытового насилия, предотвращения харассмента и дискриминации на рабочем месте. По итогу был проведен сравнительный анализ для определения наличия или отсутствия различий между странами-представителями разных институциональных комбинаций в рейтинге.

¹ Electoral system family // International IDEA. – URL: <https://www.idea.int/data-tools/question-view/130357> (дата обращения: 23.12.2021).

² Women, Business and the Law // THE WORLD BANK. – URL: https://wbl.worldbank.org/en/data/exploretopics/wbl_sj (дата обращения: 23.12.2021).

Результаты

Лучшие

Рассмотрение результатов следует разделить на две основные части – представители «лучших» и «худших». Кроме того, для более глубокого и полноценного анализа мы будем смотреть в каждой группе на конкретные комбинации, согласно тем, что были представлены выше в качестве гипотез. Таким образом в каждом наборе будет по три блока.

Итак, согласно первому набору получилось отобрать 29 стран с пропорциональной избирательной системой, а также наличием либо квот в виде резервированных мест, либо бюллетенем с возможностью ранжировать кандидатов (Приложение 1). Все они обладают достаточно высоким баллом, однако среди них также находятся представители с баллом ниже 0.7, что относится к показателю ниже среднего (7 стран).

Однако стоит отметить еще несколько моментов, которые нельзя охватить данной комбинацией. Во-первых, в данном списке нет стран, которые занимают первые позиции в индексе – например, Исландия, Финляндия, Норвегия. Кроме того, данные страны не отнести ни к какой другой категории. Во-вторых, необходимо отметить, что комбинация «пропорциональная система + квоты» приводит к высокому результату только в единственной стране – Руанде, чье высокое местоположение в индексе обусловлено вовсе не гендерным равенством, а вынужденным положением дел после гражданской войны, а также большим количеством женщин в парламенте, что существенно дает прирост в баллах (Nsanzipana, 2020). Но, с другой стороны, две страны – Бурунди и Гайана, - включающие в себя и квоты и ранжирование являются обладателями приличного балла – 0.769 и 0.728 соответственно.

Следующая группа состоит из представителей следующих избирательных систем: мажоритарная (FPTP) / двухуровневая (TRS) / параллельная (PS) / со смешанным пропорциональным голосованием (MMP) / с альтернативным голосованием (AV). Они рассматривались в единственной возможной комбинацией – с наличием квот в виде резервирования мест в парламенте. Результаты приводят примерно к таким же выводам, что и в предыдущей группе: есть представители с высокими баллами (5 стран), а также обладатели балла ниже среднего (3 страны) (Таблица 1). Кроме того, есть страны, которые в зависимости от комбинаций смогли оказаться как в числе «лучших», так и среди «худших» - Танзания и Кения. Кроме того, в этой группе оказался Пакистан, который обладает баллом 0.556 и является 153-им в рейтинге из 156.

Лучшие 2		
Страна	Место	Балл

Зимбабве	47	0.732
Эсватини	52	0.729
Бангладеш	65	0.719
Уганда	66	0.717
Танзания	82	0.707
Кения	95	0.692
Непал	106	0.683
Пакистан	153	0.556

Таблица 1. FPTP / двухуровневые системы / параллельные системы / смешанное пропорциональное голосование / альтернативное голосование. Синим выделены страны с квотами, красным те, которые одновременно попадают и в список «худших».

Третий вариант комбинаций оказался наиболее неожиданным (Таблица 2). В группу попали лишь две страны, которые обладают избирательной системой с единым непередаваемым голосом (SNTV) и квотами. Во-первых, Ирак и Афганистан, подходящие под требования, являются представителями как «лучших», так и «худших». А, во-вторых, они являются почетными обладателями самых низких баллов в рейтинге – 0.535 и 0.444 соответственно.

Лучшие 3		
Страна	Место	Балл
Ирак	154	0.535
Афганистан	156	0.444

Таблица 2. Единое непередаваемое голосование (SNTV) + квоты (резервирование мест).

Худшие

Рассмотрим теперь представителей возможных «худших» комбинаций. Первая группа включает в себя 22 страны (Приложение 2). Две из них принадлежат к возможным «лучшим» наборам институтов, которые уже упоминались выше – Танзания и Кения. Кроме того, среди всех стран 63% обладает баллом ниже среднего, однако оставшаяся немалая часть имеет достаточно высокие баллы – от 0.707 до 0.769.

Вторая группа является также противоречивой – она собрала, как представителей высоких баллов – Франция (0.784), Куба (0.746) и Вьетнам (0.701), - так и обладателей одних из самых низких баллов таких как Мали (0.591) и Иран (0.582). Однако четкой взаимосвязи между институтами и рейтингом не обнаружено (Таблица 3). Сделать вывод о том, что комбинация «худших» ведет к низкому уровню гендерного равенства или низкому

количеству баллов, пока с определенной точностью представляется невозможным (именно в данном контексте исследования).

Худшие 2		
Страна	Место	Балл
Франция	16	0.784
Куба	39	0.746
Вьетнам	87	0.701
Республика Корея	102	0.687
Бахрейн	137	0.632
Мали	149	0.591
Исламская Республика Иран	150	0.582

Таблица 3. Зеленым выделены те, кто не обладает квотами, синим – с квотами, но подходят по иным признакам.

Третья группа еще раз подтверждает вышеперечисленное (Таблица 4). Во-первых, вновь есть пересечение комбинаций: две страны – Ирак и Афганистан, - оказались в группе «лучших», что подчеркивает отсутствие четкой корреляции между наличием определенных институтов и способностью улучшить или ухудшить свое положение в рейтинге. Однако именно в этой группе действительно большинство обладает баллом ниже среднего, из общей тенденции выбивается лишь одна страна Лаосская НДР (0.758).

Худшие 3		
Страна	Место	Балл
Лаосская НДР	36	0.758
Папуа - Новая Гвинея	135	0.635
Вануату	141	0.625
Кувейт	143	0.621
Сирия	152	0.568
Ирак	154	0.535

Афганистан	156	0.444
------------	-----	-------

Таблица 4. Зеленым выделены те, кто также входит в группу «лучших_3», синие только «худшие».

Эти выводы подтверждают и результаты линейной регрессии, которые не показали ни одного значимого результата – ни в комбинациях, ни по отдельно рассматриваемым институтам (Приложение 3). Однако если же мы рассмотрим последнее наше предположение о значимости законодательной базы, то обнаружим небольшую корреляцию между количеством баллов в рейтинге и двумя законопроектами – о профилактике семейно-бытового насилия и домогательствах на рабочем месте (Приложение 4). Они дают прирост в рейтинге на 0.08 и 0.03 балла соответственно, что дает очень весомый вес для целого рейтинга, где отличие между странами как раз и строится на сотых долях. Следовательно, принятие таких законопроектов может способствовать получению большего количества баллов в рейтинге при этом, не изменяя целую политическую систему.

Выводы

Из всего вышеперечисленного можно заключить, что обладание выигрышной комбинацией определенных институтов не гарантирует развитие гендерного равенства в стране (опираясь на показатели рейтинга, а следовательно, и их рекомендации). Более того, страны с самыми высокими баллами не оказались ни в одной из групп, что подчеркивает тот факт, что для установления гендерного равенства необходимо развивать еще и другие факторы, помимо институциональных – например, изучить культуру, развитие гражданского общества, феминистского движения и общественных организаций. Также необходимо отметить, что изменение в законодательстве может способствовать росту в рейтинге, при этом является наиболее легким механизмом внедрения в своем техническом исполнении.

Однако, с другой стороны, можно объяснить полученные выводы не актуальными заключениями о роли институтов, а возможно устаревшими методами оценки, которые используются в рейтинге, а значит именно они нуждаются в пересмотре, и необходимо найти новые способы оценивания уровня гендерного равенства в стране.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что в работе использовались лишь значения одного рейтинга, а также не уделялось особого внимания тому, что именно влияет на количество баллов в рейтинге, какие именно показатели там используются и каким образом происходит подсчет. Это необходимо проанализировать в контексте понимания того, что в

первую очередь требует доработки – институциональная теория или методы оценки гендерного равенства, потому как наши результаты показали некое расхождение между первым и вторым моментом.

Однако из того, что мы смогли узнать, можно заключить, что институциональная теория не может самостоятельно объяснить, почему в одних странах стоит высокий балл, а в других нет, а, следовательно, для того, чтобы достичь гендерного равенства необходимо проводить глубокую работу как с самими институтами (внутри), а не просто с их механизмами, так и с культурой и обществом, людьми, которые формируют и заполняют те самые институты.

Библиография

1. Ballington J. Women's parliamentary representation: the effect of list PR / J. Ballington // *Politikon*. - № 23 (2). – 1998. - С. 77-93. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02589349808705065?journalCode=cpsa2> (дата обращения: 20.12.2021);
2. Benoit K. Duverger's Law and the Study of Electoral Systems // *French Politics*. - 2006. - №4. - С. 69-83. – URL: https://kenbenoit.net/pdfs/Benoit_FrenchPolitics_2006.pdf (дата обращения: 09.03.2021);
3. Clayton A. Women's Political Engagement Under Quota-Mandated Female Representation: Evidence From a Randomized Policy Experiment // *Comparative Political Studies*. - 2015. - №48. - С. 333–369. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0010414014548104> (дата обращения: 13.12.2021);
4. Franceschet S., Krook M. L., Piscopo J. M. The Impact of Gender Quotas: A Research Agenda // *Annual Meeting of the American Political Science Association, Toronto, Canada*. - 2009. – С. 1-37. – URL: <http://mlkrook.org/pdf/FKP%20APSA%202009.pdf> (дата обращения: 13.12.2021);
5. Kostadinova T. Ethnic and women's representation under mixed election systems // *Electoral Studies*. - 2007. - №26. - С. 418-431. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S026137940600117X> (дата обращения: 09.12.2021);
6. Kunovich S. The Representation of Polish and Czech Women in National Politics: Predicting Electoral List Position // *Comparative Politics*. - 2003. - №35. - С. 273-291. – URL: https://www.jstor.org/stable/4150177?seq=1#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 09.12.2021);

7. Larserud S., Taphorn R. Designing for Equality: Best-fit, medium-fit and non-favourable combinations of electoral systems and gender quotas // International IDEA. - 2007. - С. 27. – URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/designing-for-equality.pdf> (дата обращения: 11.12.2021);
8. Matland R. E. Electoral System Effects on Women's Representation: Theoretical Arguments and Evidence from Costa Rica / R. E. Matland, M. M. Taylor // Comparative Political Studies. - № 30(2). - 1 April 1997. - С. 186-210 - URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0010414097030002003> (дата обращения: 09.12.2021);
9. Norris P. Gender Equality in Elected Office: A Six-Step Action Plan / P. Norris, M. L. Krook // Organization for Security and Co-operation in Europe. - 9 September 2011 – С. 81. - URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/f/8/78432.pdf> (дата обращения: 09.12.2021);
10. Nsanzimana B., Nkundibiza A. P., Mwambarangwe, P. Promoting gender equality in the Rwandan ASM: efforts and obstacles. Canadian Journal of African Studies // Revue Canadienne Des Études Africaines. – 2020. - 54(1). – С. 119–138. - URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00083968.2019.1671884?journalCode=rca> s20 (дата обращения: 09.03.2021);
11. Rule W. Electoral Systems, Contextual Factors and Women's Opportunity for Election to Parliament in Twenty-Three Democracies / W. Rule // Political Research Quarterly. - № 40 (3). - 1 September 1987. - С. 477 – 498. - URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/106591298704000307> (дата обращения: 09.12.2021);
12. Дуглас Норт Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. - С. 6. - URL: <http://cee-moscow.com/doc/izd/North.pdf> (дата обращения: 12.12.2021);
13. Степанова Н. М. Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы // Общественные науки и современность. - 1999. - №4. - С. 186. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/175/117/1218/018Stepanova.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).

Источники

1. Electoral system family // International IDEA. – URL: <https://www.idea.int/data-tools/question-view/130357> (дата обращения: 23.12.2021);

2. GENDER QUOTAS DATABASE // International IDEA. - URL: <https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas/country-view/57/35> (дата обращения: 01.12.2021);
3. Women, Business and the Law // THE WORLD BANK. – URL: https://wbl.worldbank.org/en/data/exploretopics/wbl_sj (дата обращения: 23.12.2021).

Приложения

Приложение 1.

Лучшие 1		
Страна	Место	Балл
Руанда	7	0.805
Никарагуа	12	0.796
Бельгия	13	0.789
Испания	14	0.788
Коста-Рика	15	0.786
Сербия	19	0.780
Португалия	22	0.775
Албания	25	0.770
Бурунди	26	0.769
Аргентина	35	0.752
Эквадор	42	0.739
Сальвадор	43	0.738
Хорватия	45	0.733
Черногория	48	0.732
Гайана	53	0.728
Перу	62	0.721
Тимор-Лешти	64	0.720
Гондурас	67	0.716
Северная Македония	73	0.715
Босния и Герцеговина	76	0.713
Парагвай	86	0.702
Уругвай	85	0.702

Доминиканская Республика	89	0.699
Индонезия	101	0.688
Армения	114	0.673
Тунис	126	0.649
Иордания	131	0.638
Нигер	138	0.629
Марокко	144	0.612

Приложение 1. Желтым выделены страны с квотами, синим с ранжированием, зеленые включают в себя и квоты и ранжирование.

Приложение 2.

Худшие 1		
Страна	Место	Балл
Йемен	155	0.492
Катар	142	0.624
Индия	140	0.625
Нигерия	139	0.627
Бутан	130	0.639
Мальдивы	128	0.642
Гамбия	127	0.644
Сьерра-Леоне	121	0.655
Гана	117	0.666
Мьянма	109	0.681
Азербайджан	100	0.688
Эфиопия	97	0.691
Кения	95	0.692
Белиз	90	0.699
Танзания	82	0.707
Багамы	58	0.725
Замбия	56	0.726
Ямайка	40	0.741
Тринидад и Тобаго	37	0.749
Беларусь	33	0.758
Соединенные Штаты	30	0.763
Барбадос	27	0.769

Приложение 2. Все красные относятся также к группе «лучших_2», синие – «худшие».

Приложение 3.

<i>Predictors</i>	GGGI_score_2021		
	<i>Estimates</i>	<i>CI</i>	<i>p</i>
(Intercept)	0.67	0.52 – 0.81	<0.001
Rating [Best_1_rn]	0.08	-0.02 – 0.18	0.135
Rating [Best_2]	0.04	-0.05 – 0.12	0.402
Rating [Best_2 / Worst_nw]	0.03	-0.08 – 0.14	0.567
Rating [Best_3 / Worst_3_nw]	-0.13	-0.30 – 0.03	0.111
Rating [Best_n]	0.07	-0.04 – 0.19	0.226
Rating [No]	0.05	-0.06 – 0.16	0.404
Rating [Worst_2_nq_no]	-0.00	-0.16 – 0.16	0.977
Rating [Worst_2_nw]	0.04	-0.12 – 0.21	0.590
Rating [Worst_3_nq]	-0.02	-0.16 – 0.13	0.826
Rating [Worst_nq]	-0.00	-0.13 – 0.12	0.951
Electoral_system [BV]	0.00	-0.10 – 0.11	0.945
Electoral_system [FPTP]	0.02	-0.09 – 0.12	0.759
Electoral_system [List PR]	0.02	-0.08 – 0.12	0.681
Electoral_system [Mixed]	-0.05	-0.16 – 0.05	0.311
Electoral_system [MMP]	0.04	-0.07 – 0.15	0.451
Electoral_system [No direct elections]	-0.03	-0.16 – 0.10	0.631
Electoral_system [Parallel]	-0.01	-0.11 – 0.09	0.852
Electoral_system [SNTV]	-0.03	-0.16 – 0.10	0.661
Electoral_system [STV]	0.05	-0.08 – 0.18	0.445
Reserved [1]	-0.02	-0.11 – 0.08	0.716
Reserved [2]	-0.03	-0.05 – 0.00	0.087
Observations	156		
R ² / R ² adjusted	0.335 / 0.231		

Приложение 3. Reserved – квоты с резервированием мест в парламенте.

Приложение 4.

GGGI_score_2021			
<i>Predictors</i>	<i>Estimates</i>	<i>CI</i>	<i>p</i>
(Intercept)	0.59	0.56 – 0.63	<0.001
DV [1]	0.08	0.05 – 0.10	<0.001
DE [1]	0.03	-0.00 – 0.06	0.054
SH [1]	0.03	0.00 – 0.05	0.031
Observations	156		
R ² / R ² adjusted	0.260 / 0.245		

Приложение 4. DV – семейно-бытовое насилие, DE – дискриминация на рабочем месте по гендерному признаку, SH – харассмент (домогательства) на рабочем месте.